

Из Уолта Уитмена

Новые переводы КОРНЕЯ ЧУКОВСКОГО

ДЛЯ ТЕБЯ, ДЕМОКРАТИЯ

Вот я сделаю всю сушу нераздельной,
Я создам самый великолепный народ из всех, озаряемых солнцем,
Я создам дивные магнитные страны —
Любовью товарищей,
Вечной, на всю жизнь, любовью товарищей.

Я густо усажу, как деревьями, союзами друзей и товарищей все реки Америки,
все побережья ее великих озер и все ее прерии,
Я сделаю, чтобы города было невозможно разнять, так крепко они обнимут
друг друга за шею,
Сплоченные любовью товарищей,
Мужественной любовью товарищей.

Это тебе от меня, Демократия, чтобы служить тебе, моя жена!
Тебе, тебе я пою эти песни.

В МЫСЛЯХ МОИХ ПРОХОДЯ

(После чтения Гегеля)

В мыслях моих проходя по Вселенной, я видел, как то малое, что зовется
Добром, упорно спешит к бессмертию,
А то огромное, что зовется Злом, спешит раствориться, исчезнуть и сделаться
мертвым.

ВО СНЕ МНЕ ПРИСНИЛСЯ ГОРОД

Во сне мне приснился город, который нельзя победить, хотя бы напали
на него все страны земли,
И мне снилось, что это был город Друзей, какого еще никогда не бывало,
И что выше всего в этом городе крепкая ценилась любовь, а все прочие его
качества происходили отсюда,
И что эта любовь каждый час сказывалась в каждом поступке жителей этого
города,
Во всех их взорах и в их словах.

ВЫ, ЛОДЫРИ, ТАМ НА КАРАУЛЕ

Вы, лодыри, там на карауле! Скорей за оружие!
Врываются толпою в побежденную дверь! О, я сошел с ума!
Я воплощаю в себе всех страдальцев и всех беззаконных,
Я вижу себя в тюрьме в облике другого человека,
Я чувствую тупую, безысходную боль.
Это из-за меня тюремщики вскидывают на плечо карабины и стоят на часах,
Это меня по утрам выпускают из камеры, а на ночь сажают за железный засов.

К каждому мятежнику, что идет в тюрьму в кандалах, я прикован рука к руке
и шагаю с ним рядом,
(Я грустнее, чем он, молчаливее, у меня пот на искаженных губах).

И вместе с каждым ворюшкой, которого хватают за кражу, хватают и меня,
и судят меня вместе с ним, и выносят мне такой же приговор.

И с каждым холерным больным, который сейчас умрет, я лежу и умираю
заодно.

Лицо мое стало серым, как пепел, мускулы мои вздуваются узлами, люди
убегают от меня.

Попрошайки в меня воплощаются, и я воплощаюсь в них,
Я конфузливо протягиваю шляпу, я сижу и прошу подаяния.

НЕ ЗАКРЫВАЙТЕ ВАШИХ ДВЕРЕЙ

Не закрывайте дверей предо мною, гордые библиотеки,
Ибо я приношу вам то, чего никогда не бывало на ваших тесно уставленных
полках, то, что вам нужнее всего,

Я создал книгу, что выросла из войны,
Слова моей книги — ничто, ее замысел — все,
Одинокая книга, с другими не связанная, ее не почувешь рассудком,
Но то сокровенное, что не сказано в ней, прорвется восторгом на каждой
странице.

НОЧЬЮ НА МОРСКОМ БЕРЕГУ

Ночью, на морском берегу,
Стоит девочка рядом с отцом
И глядит на восток, в осеннее небо.

Там наверху, в темноте,
Беспощадные хищные тучи, похоронные тучи расстилаются черными массами.
Злые и быстрые, они спускаются к нижнему краю небес,
К той ясной и прозрачной полоске эфира, что осталась еще на востоке.
Туда, где большая, спокойная, встает владыка-звезда Юпитер,
И тут же, чуть повыше, поблизости,
Плывут нежные сестры Плеяды.

Ребенок, ухватившись за руку отца
И глядя с берега на эти похоронные тучи, которые победно спускаются ниже,
чтобы проглотить все.
Беззвучно плачет.

Не плачь, дитя,
Не плачь, моя милая,
Дай, я поцелуями уберу твои слезы,
Беспощадные тучи — недолго им быть победителями,
Недолго им владеть небом, это только кажется, что звезды проглочены ими,
Юпитер появится снова, уж будь покойна, взгляни на него будущей ночью, и
Плеяды появятся снова.

Они бессмертны, серебряно-золотые звезды, они засверкают опять.
Большие звезды и малые засверкают опять, все это им нипочем,
Гремданные бессмертные солнца и задумчивые долговечные луны — они
засверкают опять.

И, дорогое дитя, плачешь ли ты об одном лишь Юпитере?
Ты тоскуешь лишь о погребении звезд?

Есть нечто.

(Утешая тебя ласкою губ, я говорю тебе шепотом,
Я даю тебе первый намек, неясное указание, загадку.)

Есть нечто, что даже бессмертнее звезд

(Много прошло погребений, много дней и ночей),

Нечто, что в мире пребудет дольше, чем светonosный Юпитер,

Дольше, чем солнце или какой-нибудь кружащийся спутник,

Чем сверкающие сестры Плеяды.

ИСПАНИЯ В 1873—1874 ГГ.

Из мрака самых тяжких туч,

Из-под феодальных обломков, из-под груды королевских скелетов,

Из-под старого европейского хлама, когда затих шутовской маскарад,

Из-под развалин церквей и дворцов, из-за поповских гробниц,

Вот оно глянуло вдруг, свежее, светлое лицо Свободы, знакомое, бессмертное
лицо!

Мы тебя не забыли, родная!

Ты скрывалась так долго? И тучи снова закроют тебя?

Все же теперь ты явилась перед нами, мы уже знаем тебя,

Теперь уж нам нельзя сомневаться, мы видели тебя,

Ты там, ты ждешь, чтобы пришло твое время.

МИР ПОД МОРСКОЙ ВОДОЙ

Мир под морской водой,

Леса на дне моря, листья и ветви,

Морской салат, обширные поросли мхов, диковинные семена и цветы,

непроходимые чащи, прогалины, розовый дерн,

Различные краски: бледно-серая, зеленая, пурпурная, белая, золотая; игра

света, проходящего сквозь воду,

Бессловесные пловцы среди скал, кораллов, клейковины, травы, камышей —

и пища для этих пловцов,

Ленивые существа, что пасутся, подвешенные вниз головой, или медленно

ползут по воде возле самого дна,

Кашалот на поверхности моря, выдувающий воздух и воду, играющий своими

плавниками,

Свинцовоглазая акула, морж, черепаха, мохнатый морской леопард и

тропический скат,

Какие страсти там, какие сражения, схватки, погони, какие зрелища в этих

океанских глубинах, что воздухом дышат густым,

Сразу меняется все, когда оттуда проникнешь сюда, к этому тонкому воздуху,

которым дышат подобные нам существа, живущие здесь, в нашей сфере,

И сразу меняется все, когда отсюда проникаешь туда, в иные сферы и к иным

существам.

РУЧНОЕ ЗЕРКАЛО

Держи его с угрюмою злостью, — гляди, что оно посылает назад (Кто это там?

Неужели это ты?).

Снаружи — нарядный костюм, внутри — мерзость и прах,

Уже нет ни сверкающих глаз, ни звонкого голоса, ни упругой походки.
Теперь у тебя руки раба, и глаза раба, и голос, и походка раба,
Дыханье пропойцы, лицо обедады, плоть сифилитика,
Легкие отгнивают у тебя по кускам, желудок дрянной, разьедаемый раком,
Суставы поражены ревматизмом, кишки набиты пакостью,
Кровь циркулирует темной ядовитой струей.
Вместо слов — бормотня, слух и осязание притуплены,
Не осталось ни мозга, ни сердца, исчез магнетизм пола —
Вот что из зеркала глянет в тебя перед тем, как ты отсюда уйдешь.
Такой итог — и так скоро — после такого начала!

ДРУЖЕЛЮБНЫЙ И ПОКЛАДИСТЫЙ ДИКАРЬ

Дружелюбный и покладистый дикарь, кто же он?
Ждет ли он цивилизации, или уже миновал ее и теперь господствует над ней?

Может быть, он с Юго-Запада и взращен под открытым небом? Или, может
быть, он канадец?

Может быть, он с Миссисипи? Из Айовы, Орегона, Калифорнии?
Или горец? Или житель лесов? Или прерий? Или с моря матрос?

Куда бы он ни пошел, мужчины и женщины принимают и желают его,
Они желают, чтобы он полюбил их, притронулся к ним, разговаривал с ними,
остался бы с ними жить.

Поступки, беззаконные, как снежные хлопья, и слова, простые, как трава,
непричесанность, смех и наивность,

Медленный шаг, лицо как у всех, простота в обращении, излияние токов,
Они, преобразуясь, нисходят с кончиков его пальцев,

Они идут от него с запахом его тела или с его дыханьем, они истекают из
взора его глаз.

ОДНОМУ ШТАТСКОМУ

Ты просил у меня сладковатых стишков?

Тебе были нужны невоенные, мирные, томные песни?

По-твоему, то, что я пел до сих пор, было непонятно и трудно?

Но ведь я и не пел для того, чтобы ты понял меня или шел бы за мной,

Я и теперь не пою для тебя;

(Я рожден заодно с войною,

И барабанная дробь — для меня сладкая музыка, и мне любви похоронные
марши,

Провожающие бойца до могилы с тягучим рыданием, с конвульсией слез);

Что для таких, как ты, такие поэты, как я? Оставь же мою книгу,

Ступай и баюкай себя тем, что ты можешь понять, какой-нибудь негромкой
мелодией,

Ибо я никого не баюкаю, и ты никогда не поймешь меня.

ХОЧЕШЬ ПОСЛУШАТЬ, КАК ДРАЛИСЬ В СТАРИНУ НА МОРЯХ?

Хочешь послушать, как дрались в старину на морях?

Хочешь узнать, кто выиграл сражение при свете Луны и звезд?

Послушай же старинную быль, что рассказывал мне отец моей бабки, моряк¹.

¹ Капитан Джон Вильямс.

Враг у нас был не трус, даю тебе честное слово (так говорил он),
Несокрушимой и хмурой английской породы, нет и не было упрямее их,
и не будет вовек.
Когда вечер спустился на воду, он подошел к нам вплотную и начал бешено
палить вдоль бортов.

Мы сцепились с ним, у нас перепутались реи, можно было дотронуться
до вражьиx орудий,
Мой капитан крепко принайтывал¹ нас своими руками.
В подводной части мы получили пробоины восемнадцатифунтовыми ядрами,
На нижнем деке у нас после первого залпа сразу взорвались два орудия
большого калибра, убили всех, кто стоял вокруг, и взрывом разнесли
все наверху.

Мы дрались на закате, мы дрались в темноте.
Вечер, десять часов, полная луна уж довольно высоко, в наших пробоинах
течь все растет, и доносят, что вода поднялась на пять футов,
Командант выпускает пленных, посаженных в трюм, под кормой, спасайся
кто может!
Часовые у склада снарядов теперь уже не подпускают к нему никого.
Они видят столько чужих, что не знают, кому доверять.

На нашем фрегате пожар,
Враг спрашивает, сдаемся ли мы?
Спустили ли мы штандарт и кончен ли бой?

Тут я смеюсь, довольный, потому что мне слышится голос моего
малютки-капитана:
*Мы не спустили штандарта, — кричит он спокойно, — мы лишь
теперь начинаем сражаться.*

У нас три неразбитых орудия,
За одним стоит сам капитан и наводит его на грот-мачту врага,
Два другие богаты картечью и порохом, и они приводят к молчанию мушкеты
врага и подметають его палубы дочиста.

Этой маленькой батарее вторят одни только марсы, и больше всего грот-марс,
Они геройски держатся до конца всего боя.
Нет ни на минуту передышки,
Течь опережает работу насосов, огонь подбирается к пороховому складу.

Один из насосов сбит ядром, и в общем мы думаем, что мы тонем.

Невозмутимый стоит малютка-капитан,
Он не суетится, голос его не становится ни громче, ни тише,
Его глаза дают нам больше света, чем наши боевые фонари.

Около двенадцати часов, при сиянии луны, они сдаются нам.

СТАРИКОВСКОЕ СПАСИБО

Стариковское спасибо, пока я не умер,
За здоровье, за полуденное солнце, за этот неосязаемый воздух,
За жизнь, просто за жизнь,
За бесценные воспоминания, которые со мною всегда (о тебе, моя мать, мой
отец, мои братья, сестры, товарищи),

¹ Привязать веревкой, канатом.

За все мои дни, не только дни мира, но также и дни войны,
 За нежные слова, ласки, подарки из чужих краев,
 За кров, за вино и мясо, за добрые чувства ко мне, которые доставляют мне
 радость,
 Вы, далекие, неведомые, словно в тумане, — милые читатели, молодые
 или старые, для меня безыменные,
 Мы никогда не видались и никогда не увидимся, — и все же наши души
 обнимаются долго, крепко и долго,
 За все, что живет, за любовь, дела, слова, книги, за краски и формы,
 За всех смелых и сильных, за преданных, упорных людей, которые стояли
 за свободу во все века во всех странах,
 За самых смелых, самых сильных, самых преданных (им особый лавр, пока
 я не умер, — в битве жизни отборным бойцам,
 Канонирам песни и мысли, — великим артиллеристам, — вождям, капитанам
 души).
 Как солдат, что возвратился домой по окончании войны,
 Как путник, один из тысяч, что озирается на пройденный путь,
 На длинную процессию идущих за ним.
 Спасибо! веселое спасибо! — от путника, от солдата спасибо!

КОГДА ВО ДВОРЕ ПЕРЕД ДОМОМ ЦВЕЛА ЭТОЙ ВЕСНОЮ СИРЕНЬ

14 апреля 1865 года президент Соединенных Штатов Авраам Линкольн, только что приведший к победному концу Гражданскую войну за объединение страны, вместе со своей женой сидел в ложе вашигтонского театра и смотрел веселую пьесу «Наш американский кузен». Около десяти часов вечера в ложу прокрался никем незамеченный пьяный молодой человек и выстрелил в него из пистолета. Президент упал. Бывший в ложе майор попытался удержать убийцу, тот пырнул его ножом, прыгнул из ложи на сцену и бросился вон из театра. Впоследствии оказалось, что это Джон Уилкис Бус, третьестепенный актер, южанин, фанатический сторонник побежденного рабовладельческого Юга.

Президента отнесли в один из ближайших домов, и к утру он скончался. Его тело в течение недели оставалось в Вашингтоне, а с 21 апреля начались пышные похороны: гроб везли через всю страну: из Филадельфии в Нью-Йорк, из Нью-Йорка в Чикаго и т. д. Похоронили президента 4 мая в городе Спрингфилде (штат Иллинойс). Уитмен в своей поэме изображает это многодневное погребальное шествие.

Теперешние толкователи поэзии Уолта Уитмена расшифровывают символику этого стихотворения так: «звезда — Линкольн (но не его вечное, духовное я (?); сирень — человеческая любовь; отшельник-дрозд — поэт души: его песня, — гимн смерти, освобождающей душу»¹. И т. д. и т. д. Такие педантические толкования низводят художественные образы к уровню пустых аллегорий, но характерно, что сам Уолт Уитмен относился к подобным комментариям сочувственно.

Знаменитый английский поэт Олджернон Суинберн назвал эту поэму «самым звучным ноктюрном из всех, когда-либо пропетых в храме мира».

1

Когда во дворе перед домом цвела этой весной сирень,
 И никла большая звезда на западном небе в ночи,
 Я плакал и всегда буду плакать, всякий раз как вернется весна.

Каждой новой весной эти трое будут снова со мной:
 Сирень в цвету, и звезда, что на западе никнет,
 И мысль моя о любимом.

¹ См. Walt Whitman. Representative selections by Floud Stovall, p. 410.

2

О, могучая упавшая звезда!
 О, тени ночные! — О, слезная, горькая ночь!
 О, сгинула большая звезда! — О, заслонил ее черный туман,
 О, жестокие руки, что бессильного держат меня,
 О, беспомощное сердце мое!
 О, недобрая туча, что обволокла мое сердце и не хочет отпустить его на волю.

3

На ферме, во дворе, перед старым домом, у забора, беленного известью,
 Выросла высоким кустом сирень с сердцевидными листьями ярко-зеленого цвета,
 Со множеством остреньких нежных цветков, с сильным запахом, который
 С такими листьями, из которых каждый есть чудо — и от этого куста я люблю,
 С цветками такой нежной окраски, с сердцевидными листьями ярко-зеленого во дворе
 Я ветку, всю в цвету, отломал. цвета,

4

Далеко, на укромном болоте,
 Прячется пугливая птица и поет, распеваешь песню.

Дрозд одинокий,
 Отшельник, наедине сам с собою, подалеке от людских поселений,
 Поет песню для себя одного.

Песню кровоточащего горла,
 Песню жизни, куда изливается смерть (ибо хорошо я знаю, о милый мой брат,
 что если бы тебе не дано было петь, ты, наверное, умер бы).

5

Над грудью весны, над страной, среди городов,
 Меж дорогами, сквозь старые чащи, где еще недавно из-под земли пробивались
 фиалки — крапинки на серых отбросах лесных,
 Проходя по тропинам, где справа и слева полевая трава, проходя бесконечной
 травой,

Минут желтые копыта пшеницы, у которой каждое зернышко воскресло
 из савана в темнотурных полях,—

Проходя мимо садов, мимо яблонь то в розовом, то в белом цвету,

Неся мертвое тело туда, где оно ляжет в могилу,

День и ночь путешествует гроб.

6

Гроб проходит по тропинам и улицам,

Через ночи и дни, в большой туче, омрачающей землю,

С великолепной пышностью полуразвернутых флагов, среди угутанных
 в черный креп городов,

Среди Штатов, что стоят, словно женщины, облаченные в траур,

С длинными процессиями, что вьются за ним, с ночными светильниками,

С бесчисленными горящими факелами, с молчаливым морем лиц и непокрытых
 голов,

И ждут его станции, и гроб прибывает туда, и всюду угрюмые лица,

И панихида всю ночь напролет, и тысячеголосое, могучее, величавое пение,

И плачущие голоса панихид, что льются дождем вокруг гроба,

И тускло освещенные церкви, и содрогающиеся от горя органы — так ты
совершаешь свой путь,

С неумолчным перезвоном колоколов погребальных,

И когда ты, гроб, так не спеша проходишь мимо,

Я даю тебе мою ветку сирени.

(Не только тебе, не тебе одному,

Цветы и зеленые ветки я всем приношу гробам,

Ибо свежую, как утро, хотел бы пронести я песню тебе, о светлая и священная
смерть.

Всю тебя букетами роз,

О, смерть, всю тебя покрываю я розами и ранними лилиями,

Но больше всего сиреню, которая цветет раньше всех,

Много я ломаю, ломаю с кустов ее веток,

Их у меня полные руки, я прихожу, чтобы выспать их на тебя,

На тебя и на все твои гробы, о смерть.)

Из глубоких неприступных тайников,

От ароматных кедров и елей, таких молчаливых, зловещих, как призраки,

Неслось радостное пение птицы.

И очарование песни восхищало меня,

Когда я держал, словно за руки, обоих почных товарищей

И голосом моей души шел заодно с этой птицей.

Ты, милая и ласковая смерть,

Струясь вокруг мира, ты, ясная, приходишь, приходишь,

Днем и ночью, к каждому, ко всем,

Раньше или позже, деликатная смерть!

Слава бездонной вселенной

За жизнь и радость, за вещи, за любопытные знания.

И за любовь, за сладкую любовь — но слава! слава! слава!

Верным и хватким рукам, холодящим объятиям смерти.

Темная мать! ты всегда скользишь неподалеку тихими и мягкими
шагами,

Шел ли тебе кто-нибудь песню самого сердечного привета?

Эту песню пою тебе я, я прославляю тебя выше всех,

Чтобы ты, когда наступит мой час, шла неспотыкающимся шагом.

Могучая спасительница, ближе!

Всех, кого ты унесла, я пою, я весело пою мертвецов,

Утонувших в любовном твоём океане,

Омытых потоком твоего блаженства, о смерть!

От меня тебе серенады веселья,

Пусть танцами отпразднуют тебя, пусть наряжаются, пируют,

Тебе подобают открытые дали, высокое небо

И жизнь, и поля, и громадная задумчивая ночь.

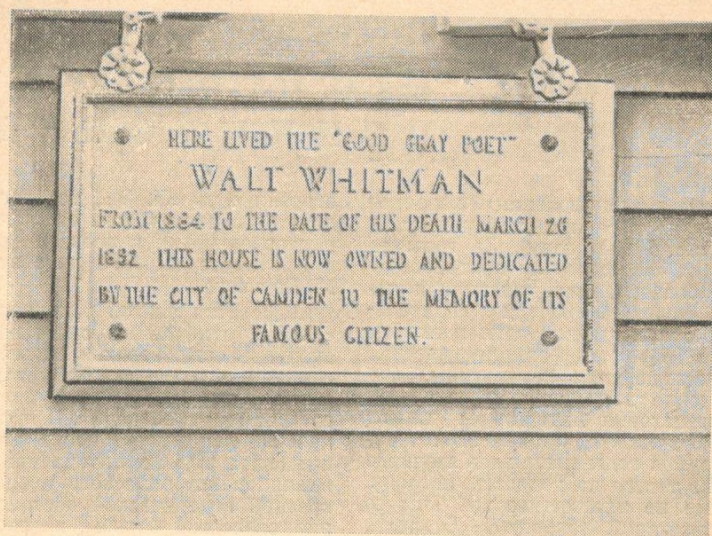
Тихая ночь под обильными звездами,

Берег океана и хриплые волны, голос которых я знаю,

И душа, обращенная к тебе, о, хорошо укутанная, просторная
смерть,

И тело, льнущее к тебе благодарно

Над вершинами деревьев я возношу мою песню к тебе,
Над волнами, встающими и падающими, над мириадами полей
и прерий широких,
Над городами, густо набитыми людом, над кишачими дорогами
и верфями,
Я шлю тебе эту веселую песню, радуйся, радуйся, о смерть!

Мемориальная доска на доме, в котором жил Уитмен